

Мир России, 1987, Запад

— Игнатий Моисеевич, через несколько дней состоится пленум правления СП РСФСР, посвященный проблемам многонациональной российской драматургии. Чего вы ждете от него?

— Пожалуй, ничего. Но, может быть, это застарелая привычка — ничего не ждать от пленумов. Впрочем, результаты будут зависеть от подготовки. Как всякая встреча на высшем уровне, и эта должна быть тщательно подготовлена. Не то время, чтобы говорить вообще. Что станет главным вопросом, какие беспорядки, как и чем можно помочь драматургу? Не драматургии. Пьесы пишутся в одиночестве, за собственным рабочим столом. Исходить лучше из этого и не создавать иллюзий, что можно навалиться скопом и враз что-то переменить.

Если пленум, не дай бог, превратится в мероприятие, к делу имеющее отношение только своим названием, в общем собрании драматургов и не драматургов, которые заново будут изучать проблемы, по сути всем давно ясные, толку не ждите. Это не скептицизм — оскомина. У Союза

привлекать к руководству. Насколько мне известно, вдохновители эксперимента впрямую не нацелились на вопрос, как помочь драматургу, а значит, и драматургии в самом широком смысле. В основе стратегии нет даже того, что можно было бы назвать вдохновляющим моментом. Вероятно, случайность. Не думают же создатели театрального союза, что театр и впрямь начинается с вешалки? Это ведь всего лишь атмосфера, природа организма, фактор нравственной чистоты и настроения. Драматургия все же основа основ. Чем без нее вешалку заполнить? Смешно, но и тут ведомственные барьеры.

Я часто думаю, не случайно Алексей Николаевич Арбузов считал, что драматурги должны принадлежать ВТО. Наверное, он не был до конца убежден в этом, но что-то его беспокоило. Так вот — как не задуматься об условиях существования драматурга, который вместо того, чтобы присутствовать в театре если не полностью, в физическом смысле, что ли, то хотя бы духовно, морально, чаще всего живет от театра изолированно? Сегодня я

хорошо и подробно рассказали стране на своих съездах. Конечно, в атмосфере благодушия и косности конфликтная фигура, со своей жизнью и собственной позицией, какой зачастую является драматург, в театре не нужна: за последние два-три десятилетия это уже стало традицией. Плохой. Словом, отчуждение драматурга от театра имеет общие социальные причины, связанные с ошибками нашего развития. Точно так же архитектора отключают от строительства спроектированного им дома, изобретателя — от реализации его изобретения.

— Каким образом повлияло это на качество современной драматургии?

— Сами понимаете, подсчету это не поддается. Но подойдем к ответу иначе. Не менее острый, скорее, даже более жгучий кризис возник сейчас с режиссурой. Люди, стоявшие во главе театральных коллективов, давно утратившие право на художественное лидерство, десятилетиями не давали самостоятельно работать молодым режиссерам. Молодых вообще слишком долго водили на поводке, не доверяли, пе-

тему «О чем писать?». Постановка вопроса мне самому казалось нелепой. Однако все проявили необыкновенную активность, с пылом и непосредственностью задавали тот же вопрос: о чем же все же писать?

— Давайте так закончим разговор об этом: драматургия, на мой взгляд, потеряла достоинство. Можно, конечно, усмехнуться — мол, того она и стоит! Но этого не скажу. Есть много сильных опытных мастеров и еще больше молодых «бездомных» талантов.

— Что бы вы могли конкретно предложить? Что может улучшить ситуацию?

— Предлагать не хотел бы. Не потому, что нечего, а потому, что у каждого из нас могут возникнуть десятки и сотни организационных и прямо противоположных предложений. Возникнут они, по-видимому, и на предстоящем пленуме, и это может быть полезным. Но взаимоотношения драматурга и театра — это роман, любовь. Что-то должно измениться в жизни и в театре — и любовь вернется. Вернутся общезастольные репетиции, тесное общение, обоюдная ответственность, поддержка, опека и защита. Надо немного подождать, и уже пора кончать с реорганизациями. Подчас они становятся самоцелью. От перемены мест слагаемых сумма не меняется. Кадры-то не меняются.

Но все же я бы предложил: нельзя ли позаимствовать у нашей промышленности систему материальных стимулов? За внедрение новой технологии полагается премия. Почему бы не ввести такой показатель — «новая драматургия»? Открыл Г. А. Товстоногов в течение года одну новую хорошую советскую пьесу — сразу добавляй ему полплана. Открыл вторую — еще полплана. А что? Я говорю о пьесах — художественных событиях. Делаю тут акцент. Мы же не можем опуститься до уровня, где все решает кассовый сбор. Даже на Западе есть театры, не дающие дохода, они субсидируются покровителями высокого искусства. У нас в качестве менталитета выступают министерства культуры. Вот насущная задача — как найти рычаги, чтобы наш театр в погоне за планом в условиях перестройки не скатился к кассовости.

— Еще один маленький акцент. Иногда с оттенком осуждения говорят — «элитарный» театр, «элитарное» искусство. Но если появится театр, который можно назвать элитарным, и это достойный театр, — я буду счастлив. Страна в развитии, зрители есть у нас для всех театров. В

одни ходят обыватели, в другие — те, кто танцует к правде, к очищению, к духовному наслаждению...

Мне кажется, что, в отличие от внутри-театральной среды, министерства культуры еще не вполне готовы к эксперименту. Они его проводят, говоря как бы: «Ну-ну, делайте, а мы посмотрим...» И пропускают самую существенную сторону дела: повседневную, активную, изобретательную организационную работу.

— На какие размышления наводит вас недавняя «История» во МХАТе, расколовшийся актерский состав? В среде художественной интеллигенции, казалось бы, по общественному долгу обязанной мыслить крупно, оппозиция смелым, разумным начинаниям вдруг на какое-то время оказалась сильнее...

— МХАТ — один из немногих наших живых театров. Все, что там происходило внутри — знаю это только по свидетельствам прессы, — есть движение демократическое. Возникла необходимость освободить творческую часть коллектива от балласта. Учимся демократии. Нужны поступки. Инерция пагубна. Если и в условиях развития демократии не самые лучшие силы весьма умело консолидируются, то я хотел бы знать: почему не консолидируются передовые силы, не занимают крепких позиций на принципиальной основе?

— Не только во МХАТе идут конфликты. Я согласен — можно и нужно выбирать директора, главного режиссера, завлитчастью. Мне нравится выборность. Но с момента, как выбрали, должно начаться дисциплинированное исполнение служебных и общественных обязанностей. Понимаете, что интересно — наша бюрократия успешно научилась преследовать новаторов, и те лишались службы, страдали материально, порой даже попадали в тюрьму. Но вот никак не можем решиться называть клеветников, анонимщиков, лиц, наносящих зримый вред обществу. С этим пока очень туго. И это, как говорится, чревато, несправедливо, опасно. Перестройка требует деловой неформальной поддержки мастеров, истинно творческих людей.

Я рад, что к руководству в театральном союзе пришли достойные люди. Это очень важно. Это успех, результат, на который можно опереться и драматургии. Она должна вернуть себе достоинство.

Беседу вела
Наталья ТРОПОЛЬСКАЯ
ЛЕНИНГРАД

Игнатий
ДВОРЕЦКИЙ:

«ВЕРНУТЬ ДРАМАТУРГИИ ДОСТОИНСТВО»

писателей РСФСР есть аппарат, связи, влияние. Руководство обязано повседневно, в рабочем порядке изучать вопросы и ставить на государственном уровне, а пленуму надлежит решать. Вы не представляете, как мне самому любопытно: изменилось ли что-нибудь?

— В театральной системе идет эксперимент. Как участвуют в этой перестройке драматурги?

— Вопрос тяжелый. Извините, скажу о себе: очень хочу участвовать. Не все удастся, но пишу, чувствую куда более широкие возможности, чем раньше. Впрочем, это чувствуют все, кто хочет работать.

Теперь об эксперименте. Как о программе и организации. Пока драматург в этом не участвует, хотя его и готовы принимать в новый Союз театральных деятелей и

не знаю ни одного театра в стране, кроме МХАТа, где бы берегли своих драматургов, последовательно поддерживали, вдохновляли. И — воспитывали театром. Отношение к драматургу давно потребительское.

Я слишком долго и тесно связан с молодой ленинградской драматургией, знаю проблемы молодых. Главная из них — одиночество. Они нуждаются в дружбе, в теплом человеческом сотрудничестве, в интересе к их работе, к ним самим. Театр, как известно, надстроечная организация и впитал в себя все недостатки первоосновы, которые теперь так серьезно и справедливо подвергаются критике. — невысокий уровень общественного горения, инертность мышления, вялость чувств. Об этом сами театральные деяте-

рестраховывались, преобладал номенклатурный, анкетный подход к творческим людям, и сегодня мы вкушаем плоды этой нашей осторожности в полной мере. Новой режиссерской смены почти нет, дефицит огромен, места «главных» нередко занимают случайные люди, есть обезглавленные коллективы. Вот вам ответ. Положение с режиссурой может быть сравнимо и с драматургией. Есть привычка к «верняковому» пьесам и есть привычка к пьесам никаким, ибо не было и все еще нет реальной ответственности. Немало драматургов ушло от естественных жизненных тем, очень нужных, как выяснилось, нашему обществу. Их отучили, запугали. Ушли отвага, риск. Недавно в драматургической мастерской, которой руководжу уже двенадцать лет, я провел занятие на

Задумывая интервью о заботах драматургии в условиях перестройки и театрального эксперимента, редакция решила обратиться к писателю, чьи пьесы, чьи герои, буквально зараженные социальной энергией, задолго до нынешнего дня готовили общественное сознание к необходимости наступивших перемен. Итак — вопросы автору пьес «Человек со стороны», «Трасса», «Ковалева из провинции», «Директор театра»...